

УДК 82-311.2
ББК 83

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-18-25

ПАРАФРАЗИРОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА ЛЕШЕГО В РОМАНЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»

Лина Ши, И. Г. Минералова

Аннотация. В данной статье рассматривается парафразирование одного из древнеславянских мифологических образов – лешего – в романе «Русский лес» Л. М. Леонова. Старик Калина – ключевая фигура в системе образов романа, хотя и может представляться образом периферийным. Настоящая статья посвящена обоснованию важности этого образа для писателя, выстраивающего иерархию ценностей русского мира. «Хранитель леса» – это определение может быть отнесено к целому ряду персонажей, однако главным, базовым будет образ Калины, который передает свой статус и полномочия Ивану Вихрову. Эта связь персонажей важна для более глубокого и всестороннего раскрытия, с одной стороны, главного героя и его соратников и соперников, а с другой – полисемичного образа русского леса.

Ключевые слова: внутренняя форма, система персонажей, символ, портрет, жанр.

Для цитирования: Ши Лина, Минералова И. Г. Парафразирование фольклорного образа лешего в романе Леонида Леонова «Русский лес» // Наука и школа. 2023. № 3. С. 18–25. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-18-25.

PARAPHRASING OF THE FOLKLORE IMAGE OF LESHY IN THE NOVEL „RUSSIAN FOREST” BY LEONID LEONOV

Lina Sisu Shi, I. G. Mineralova

Abstract. This article discusses the paraphrasing of one of the ancient Slavic mythological images – leshy – in the novel „Russian Forest” by L.M. Leonov. Old man Kalina is a key figure in the system of images of the novel, although he may appear to be a minor image. This article examines the importance of this image for a writer who builds a hierarchy of

© Ши Лина, Минералова И. Г., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

values in the Russian world. „Keeper of the Forest” – this definition can be attributed to a number of characters, but the main, basic image will be Kalina, who transfers his status and powers to Ivan Vikhrov. This relationship of characters is important for a deeper and more comprehensive discovery of the protagonist and his associates and rivals, on the one hand, and, on the other hand, the polysemantic image of the Russian forest.

Keywords: *inner form, system of characters, symbol, portrait, genre.*

Cite as: Lina Sisu Shi, Mineralova I. G. Paraphrasing of the folklore image of leshy in the novel „Russian Forest” by Leonid Leonov. *Nauka i shkola*. 2023, No. 3, pp. 18–25. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-3-18-25.

Роман «Русский лес» Леонида Максимовича Леонова был задуман, по признанию самого автора, в 1926 г., а во время Великой Отечественной войны эти подступы к материалу обрели конкретные образные контуры, и вышел в свет он отдельной книгой в 1954 г. Но уже в 1953 г., когда роман печатался в нескольких номерах журнала «Знамя», критики предположили, что это роман, как бы позже сказали, «производственный», другие доминантной проблемой произведения назвали экологическую, еще проблему сохранения и заготовки леса, напрямую зависимой от природы русской жизни. Вновь заговорили о социально-философском конфликте начала XX в. – конфликте человека и природы, цивилизации и природы. Впоследствии каждый из вопросов осложнился решением социально-нравственных проблем, проблем, связанных с осознанием идеала и пошлого приспособленчества во всех сферах жизни – от высокой науки до житейских дел. Такое объяснение содержания произведения характерно и для современных историков литературы [1]. Даже размышляя о системе образов, исследователи выстраивают ее как систему антиномий, что верно лишь отчасти. Именно поэтому цель данной статьи внимательнее всмотреться в образ Калины Глухова, который, как это ни странно, оказывается ключевым, он определяет и антино-

мические сюжетные ходы и выстраивает внутреннюю форму романа в целом.

Актуальность исследования заключается в том, чтобы определить многоуровневость образа персонажа, когда вполне реалистический образ старика Калины Глухова при ближайшем рассмотрении представляется не поверхностно изображенным социальным типом, прежде всего потому, что он описывается и воссоздается не изобразительно-объективно повествователем, а через восприятие мальчика Вани Вихрова и через авторские комментарии сказочно-мифологических узнаваемых черт, запечатленных в духовно-нравственном облике старика.

Для достижения цели работы в статье применяются наиболее продуктивные в данных обстоятельствах методы: сравнительно-исторический, историко-функциональный методы, семасиологический подход, которые побуждают к системному анализу художественного материала. Теоретической базой исследования послужили работы Е. М. Мелетинского, А. А. Потебни, Ю. И. Минералова. Практическая значимость исследования заключается в том, что осмысление полисемичности образа старика, особенно его фольклорной основы, позволит филологически многоаспектно определить внутреннюю форму романа Л. М. Леонова.

Дед Калина видится и взрослыми, и детьми, но детский взгляд – определяющий в формировании семантики

романного содержания [2, с. 184]. Именно благодаря Ване Вихрову старик воспринимается как существо сказочное. Следует напомнить, что Ване он представляется стариком-лесовиком, лешим. Что это значит? В народной мифологии наличествует особый образ хранителя леса, в древнеславянской мифологии хранитель леса так и именуется – *леший*, у него, напомним, есть другие названия: лесовик, лешак, лисун, боровик [3, с. 310], лесник, и даже лес [4, с. 117]. Люди по-разному относятся к лешему. Некоторые думают, что леший – это какая-то злая, нечистая сила в лесу, охраняющая его от людей, в мифологическом словаре он определяется как «проклятый человек или заложный (вредоносный) покойник» [3, с. 310], люди обвиняют его в злых проказах [4, с. 118]: в сбивании с пути и уводе детей. А другие рассматривают лешего как положительного проводника, помогающего людям выбраться из леса, когда они заблудятся. Он часто не злой и пугающий, если встречается с детьми, он даже какие-то советы им дает, выводит на опушку. Причиной различия отношения к лешему можно назвать «эволюцию» этого образа с момента происхождения в язычестве до изменения в христианстве. Это следует сказать до того, как будет рассмотрен вопрос, какими значениями и смыслами наделяет автор своего героя. Понятно, что «мифы обрели тесные связи с собственно религиозным сознанием – политеистическим и монотеистическим» [5, с. 133], а потому, рассказывая о старике Калине, автор выстраивает в романе «Русский лес» сюжетную линию «старик – дети». Именно она превращает вполне реального крестьянина с именем и фамилией в сказочного деда и формирует многослойность художественного пространства от сказочно-мифологического и поэтического до социально-философского и нравственно-философского.

Л. М. Леонов представляет лешего как «патриота своих лесов» [3, с. 175],

даже в крестьянском просторечии леший приравнивается к лесу, он будто бы лес, его дух. В древнеславянском язычестве леший был включен в группу божеств, хотя «наш всего лишь – бывшее, крайне непритязательное божество в мочальном вретнице» [3, с. 175]. Он сильный, «при гражданских междоусобицах тоже хлещутся промеж собой столетними деревьями» [3, с. 175], в то же время шаловливый, «хоть и не прочь покуражиться над запоздалым путником, не столько для своей забавы, пожалуй, сколько – самой жертвы, чтоб было ей о чем рассказать внучатам в новогоднюю вьюжную ночь» [3, с. 175]. Но он «несет в лесу комендантские обязанности и квартирует под старым пнищем» [3, с. 175], защищая свое лесное царство от нападения врага.

Можно сказать, что черты лешего в деду Калине автор обосновывает с помощью фольклориста, тем самым образ этот и приобретает черты поэтические (не зря А. Н. Афанасьев назвал свой труд «Поэтические воззрения славян на природу» [4]): дети будто бы проживают не только свое собственное детство, но и заново детство славянства. С другой стороны, фольклористически обосновывая поведение вполне конкретного человека, автор указывает на социально-философский план образа. В художественном произведении данный авторский путь воспринимается органичным, потому что, как пишет Е. М. Мелетинский, такие представления навсегда остаются «частично элементом коллективного сознания» [6, с. 330]. Л. М. Леонов выражает солидарный взгляд, объясняя начало легенды как «первые впечатленья бытия» [5, с. 175], как отражение мира сквозь призму «поэтического зеркала» [5, с. 175]. В романе «Русский лес» таким образом дается представление о возникновении язычества на Руси и суть первоначально боязни людей языческого божества и благоговение перед ним. «Настороженный к опасности пращур наш, как и

ребенок в темноте, повсюду видел недвижные лики, обращенные в его сторону, то угрюмые и жаждущие его гибели, то милостивые и матерински кроткие. Так рождались языческие божества, создания страха или признательности, неумелые попытки истолковать действительность в пределах своего несовершенного философского словаря» [6, с. 175].

Таким образом, в связи с опасением «жестокого мщения» лешего, древние славяне воспринимают «лес, как враждебную человеку часть пространства» [5, с. 310], рассматривая входение в лес как священное, почтительное, неразрушимое дело. Такой своеобразный страх укореняется в головах мальчиков в романе «Русский лес», выросших в начале XX в. Неудержимая страсть детей к приключениям в лесу заставляет их входить в лес, переживая трепет от невидимой нечистой силы, включая «русалок» в лесной реке Енге, «мохнатую блазну» в Шабановых горах, «рогатую опасность» в енежских борах. Напомним ироничную цитату: «Боятся – значит уважают!» из текста в советском мультфильме «Уважаемый леший», созданном сценаристом М. Ф. Липскеровым, которую приводит Баба-яга лешему, которого Иванушка не боится.

Лес и подножье древнего дерева постепенно становится священным местом, где «творились суд и правда, а баяны слагали сказы о делах и походах племени» [5, с. 307]. Л. М. Леонов отмечает, что именно такое поклонение стало движущей силой, побуждающей людей защищать лес, «поэтическое суеверьье ревностно оберегало в ту пору наши южные божелесья» [5, с. 307]. Так детское поэтическое обожествление деда Калины укореняется авторской научно-филологической аргументацией. Из этой трактовки образа хранителя леса вырастают многоплановые пути понимания судьбы и леса, и деревьев, и народа, и каждого человека. Л. М. Леонов напоминает: «Христианское преданье

наделит рожками русского лесовика и зачислит в разряд расхожих бесов» [5, с. 307], вследствие этого леший становится какой-то подчиненной фигурой, которая предпочитает «самые непривлекательные пакости» [5, с. 307] благожелательному указанию правильной дороги.

Одновременно леший в качестве одного из чертей потерял свою мистическую силу, напоминает писатель, «отныне его совсем легко укротить, облапошить, застрашать крестом, печатным словом и просто головешкой» [5, с. 307]. Автор прописывает историю образа: вслед за «богомольцем в лесные непопчатые землицы ворвутся зверогон и пчеловод, дружинник и купец», люди считают, что, если они в лесу ведут себя не как варвары, не нарушают законов леса, все будет хорошо, а если что-то померещилось, то перекрестятся, и все силы правильные с нами и морок исчезает, то есть крестом человек как бы призывает силы света, вот они с нами, и тогда все негативное рассеивается. Такие изменения отношения к лешему по сути являются реформой общественного сознания: первобытный страх от лешего исчезает без следа, леший теряет свое почетное мифологическое место, вместе с этим священное отношение людей к лесу стало историей, «врываться» в лес стало обычным делом, люди могут делать в лесу все, что хотят. Так Л. М. Леонов расшифровывает причины иррационального использования лесных ресурсов: властитель леса – леший «ушел в отставку», «с этого времени единственной защитой леса становятся наши благоразумие и совесть» [5, с. 307], но, как известно, коллективное мышление уже переустроено по догмату христианства, от древнеславянского язычества остался лишь след в сказках, преданиях и живой образной речи. Исчезновение мифологического не отменяет самого образа лешего в русской и славянской культуре вообще, он становится образом метафорическим.

В «Русском лесе» П. М. Леонов преобразует традиционный мифологически-сказочный образ лешего. Он наделяет его семантикой старика Калину, создавая «авторское построение» и обновляя «читательское восприятие» [6, с. 155]. Понятно, что бывший крестьянин Калина Глухов является лешим в представлении мальчишек и людям напоминает лешего своей ревностной заботой о лесе и внешним видом. Естественно, что таким образом писатель создает свой собственный фигуральный образ лешего, прибегая к созданию «образа образа», по определению А. А. Потемби.

Несмотря на то что леший и старик Калина принадлежат, можно сказать, к разному бытию, с одной стороны, леший в народном сознании – дух леса, а с другой, Калина – реальный человек, «подручный самого Разина, бежавший из-под царского палача» [5, с. 73]. Однако еще до того, как Иван с Демидкой встречаются с ним, никто не знает, как он выглядит, даже не знает, это реально существующий человек или нет. Люди представляют его по преданиям и слухам, образ Калины как лешего «живет» в сознании народа. Имя Калина тоже значимое, оно напоминает о Калиновом мосте в русской сказке, соединяющем два мира, что показывает важную роль Калины в соединении мифологического мира (леший) и реального мира (Калина), которые в романе приобретают символические значения. Напомним: «Калинов мост – мост через реку Смородину в русских сказках и былинах, соединяющий мир живых и мир мертвых» [8; 9, с. 232]. Благодаря этому напоминанию важны будут и другие именованья сказки, поскольку победителем в схватке со Змием оказывается Иван – крестьянский сын. Впрочем, об ассоциативном плане сказки «Бой на Калиновом мосту» в пространстве романа «Русский лес» следует говорить отдельно. Что же касается воссоздания образа лешего в романе, следует уточнить некоторые нюансы.

Во-первых, А. Н. Афанасьев определяет своеобразный статус персонажа, его жизненное пространство: «Крикнуть громко: “дедушка!” – и леший тотчас явится» [4, с. 118]; «Леший является на призыв в образе мужика» [4, с. 118]; «Образ жизни леших описывают различно: иные из них любят жить в лесных тущобах одиноко» [4, с. 117]. Схожим образом дается изображение Калины в романе: лесорубы «взирали на старика, как на диво лесное» [5, с. 98]; «именно на границе Облога и Пустошей проживал ужасный Калина Тимофеевич» [5, с. 73]; Иван с Демидкой неоднократно зовут «дедушку Калину». Самое главное, Е. М. Мелетинский описывает лешего как «хозяина леса и зверей», а Леонов в романе определяет Калину в качестве «лесного владыки» [5, с. 81], оба они выполняют обязанность защищать свое царство – лес.

Во-вторых, в романе синонимичность образа фольклорному заключается в том, что Калина тоже переживает грандиозное изменение, «скачок» из сильного, всемогущего божества в слабого, обиженного старика. Перед встречей мальчишек с Калиной, в легенде Калина изображается как «ужасное, грозное существо сверхбогатырского телосложения» [5, с. 73]. Его мифическое могущество «состояло в способности принимать любое обличье – от волка до проливного дождика, а уж убавляться в росте ему во все ничего не стоило» [5, с. 81], как раз в мифологическом словаре способность лешего определяется так: «может изменить свой рост – становиться ниже травы или выше деревьев» [3, с. 310]. К сожалению, «сказка рушилась» [5, с. 84], Иван с Демидкой заметили, что у Калины нет никакого тайного, ничем не отличается от обычных людей, «он был совсем как человек, лыс и бос» [5, с. 81], «в обычные человеческие размеры» [5, с. 80], у него «отмытые росой человечесьи ноги» [5, с. 81], и «лошадиный череп оказался всего лишь белой бородой» [5, с. 81]. Но такой «полной обыкновенности» [5, с. 84]

еще недостаточно, на самом деле Калина является обиженным и одновременно смиренным человеком. Рассказывая об опыте сокрытия Матвея от ареста, он признался, что его били и ругали, и он не сопротивлялся. «Фыкин-то как налетит на меня: “Чуешь, ты, кричит, хреновая твоя башка, как я могу тебя разработать... во что превратить я тебя могу за подобное пристанодержательство... ну, укрывательство, тоись”» [5, с. 83]. В сознании Ивана «Фыкин на Енге, гроза, а по могуществу своему – третий после царя и Калины» [5, с. 68], но после разговора со стариком Иван, кажется, разочарован, даже начинает Калине сочувствовать. Одним словом, Леонов так обобщает изменения образа Калины: «легендарная Калинова сгорбела спина, столько веков служившая опорой государства российского, и от бывшего былинного удальства оставалось лишь бессильное старческое увещание» [5, с. 83]. Калина пытается уговаривать Кнышева и других лесорубов прекратить «преступление», но они «понуро и недоверчиво» [5, с. 98] смотрят на него, Кнышев смеется над ним и называет его «плешивым дьяволом» [5, с. 99]. Никто не слушает и не понимает его слова, но он ничего не может поделать, испытывая «только жалость к остающимся» [5, с. 98] «с глазами, полными слез» [5, с. 98]. Выходит, что еще одна важная связь событий намечается автором в иллюзорном противостоянии старика Калины и Кнышева, в прошлом крестьянина, а теперь безжалостного к лесу купца.

Л. М. Леонов ищет глубокую причину нелогичного, часто варварского использования лесного ресурса, деформации общественного сознания, которое видится сквозь призму сказочно-мифологического образа: «злая сила по частям отобрала зубы, радость, русые кудри, пришла теперь за душою Калины» [3, с. 98]. Размышляя о социально-нравственных проблемах государственного уровня, писатель «укореняет» образы

романа в сказочно-мифологической речевой культуре народа, подготавливая таким образом разочарование многоаспектного в жанровом отношении произведения, которое приобретает не просто эпические, но эпические значения. Ю. И. Минералов замечает, что «В художественной словесности, в текстах профессиональных писателей в подавляющем большинстве случаев функционально активен не истинный этимологический образ как таковой, а именно сочиненная самим поэтом своего рода “фантазия на тему” этимологического образа в слове» [10, с. 262]. Ученый справедливо утверждает, что миф, когда автор берет его в свое произведение, становится художественным образом, и этот образ, помещенный в конкретные условия сюжета, уже не является мифом как таковым, он становится художественным образом, в котором выражается индивидуальный стиль. Так, в романе «Русский лес» Калина становится самым важным человеком в жизни Ивана Вихрова, это «учитель, к которому попадает мальчик, – глубокий старик, колдун, леший, мудрец» [7, с. 103]. И взаимоотношения одного образа и другого – это не мифологические взаимоотношения, а те, которые смоделированы автором для того, чтобы донести до читателя идею важности «сохранности леса», потому Иван Вихров как будто перенимает от Калины эту заботу об охране, о сохранении леса, и мысль ученого о сбережении леса не вступает в конфликт с мыслью народной о том, что лес надо сохранить, но не только для него как такового, а для всех нас вместе. Здесь образ лешего-Калины становится не только образом хранителя леса, он обретает другие важные смыслы, он связует практически всех персонажей романа буквально и фигурально, он смыслообразующий образ романа в целом, на его многосоставности создается образ образа лесника – леса – народного духа. И не случайно Иван воспринимает от

Калины сострадание к лесу, соучастие в его судьбе, понимает, что, занимаясь лесной промышленностью, мы должны восстанавливать лес, должны создать новый лес, должны восстановить народ, выкошенный войной, не случайно роман и открывается Великой Отечественной войной. Таким образом, отношением между Иваном и Калиной формируется образ идеи всего произведения, идеи леса и идеи хранителя леса, так что Калина будто передает эстафету Ивану Вихрову. В романе Лес Облога уже не просто лес в прямом значении слова, он становится символом всей природы, сжатой вселенной.

В густом лесу Облога то, что делают люди, является истинным изображением их реальной жизни. Различные отношения между человеком и природой и между человеком и человеком являются проявлением человеческой этики в реальной жизни.

Выводы: создавая образ «защитника леса» – старика Калины, своеобразного двойника Лешего, писатель намечает множественные сюжетные ходы, выстраивает систему персонажей, которая держится не конфликтом человека и природы, а жизнестроительной идеей соединения людей для сохранения души и своего прекрасного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петишева В. А., Петишев А. А. Человек и природа в романе Л. М. Леонова «Русский лес» // Вестн. Башкирского ун-та. 2014. Т. 19, № 3. С. 926–930.
2. Дырдин А. А., Жукова Ю. В. Аллюзивно-экфрастический роман Л. М. Леонова «Русский лес» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 3. С. 174–199.
3. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред Е. С. Ноник. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 1998. 576 с.
4. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу в 3 т. М.: Индрик, 1994.
5. Леонов Л. М. Русский лес. М.: Азбука, 2021. 797 с.
6. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 408.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / вступ. ст. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 364 с.
8. Русская народная сказка «Бой на Калиновом мосту». URL: <https://detskie-skazki.net/russkie-parodnye/220-boj-na-kalinovom-mostu.html> (дата обращения: 10.02.2023).
9. Пропп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000.
10. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности: (Поэтика и индивидуальность). М.: Владос, 1999. 357 с.
11. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1991. 736 с.
12. Хализев В. Е. Теория литературы. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 404 с.

REFERENCES

1. Petisheva V. A., Petishev A. A. Chelovek i priroda v romane L. M. Leonova "Russkiy les". *Vestn. Bashkirskogo un-ta*. 2014, Vol. 19, No. 3, pp. 926–929.
2. Dyrdin A. A., Zhukova Yu. V. *Allyuzivno-ekfrastichesky roman L. M. Leonova "Russkiy les". Problemy istoricheskoy poetiki*. 2018, vol. 16, No. 3, pp. 174–199.
3. Meletinsky E. M. *Izbrannye statyi. Vospominaniya*. Ed. E. S. Nonik. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t, 1998. 576 p.
4. Afanasiev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu in 3 vols*. Moscow: Indrik, 1994.
5. Leonov L. M. *Russkiy les*. Moscow: Azbuka, 2021. 797 p.

6. Lotman Yu. M. *Tekst v tekste*. In: Lotman Yu. M. *Selected works: in 3 vols. Vol. I: Statyi po semiotike i topologii kultury*. Tallin: Aleksandra, 1992.
7. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki*. Intr. V. I. Eremina. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. 364 p.
8. Russkaya narodnaya skazka "Boy na Kalinovom mostu". Available at: <https://detskie-skazki.net/russkie-narodnye/220-boj-na-kalinovom-mostu.html> (accessed: 10.02.2023).
9. Propp V. Ya. *Russkaya skazka*. Moscow: Labirint, 2000. 232 p.
10. Mineralov Yu. I. *Teoriya khudozhestvennoy slovesnosti: (Poetika i individualnost)*. Moscow: Vldos, 1999. 357 p.
11. *Mifologicheskiy slovar*. Ed. E. M. Meletinsky. Moscow: Sov. entsikl., 1991. 736 p.
12. Khalizev V. E. *Teoriya literatury*. 4th ed, rev. and add. Moscow: Vyssh. shk., 2004. 404 p.

Ши Лина, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: sisu_lina_shi@icloud.com

Sisu Lina Shi, PhD post-graduate student, Russian Literature of the XX–XXI Centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: sisu_lina_shi@icloud.com

Минералова Ирина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: ig.mineralova@mpgu.su

Mineralova Irina G., ScD in Philology, Professor, Russian Literature of the XX–XXI Centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: ig.mineralova@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 09.03.2023

The article was received on 09.03.2023